

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Сара М. Андерсон

НЕИСТОВЫЙ
СОБЛАЗНИТЕЛЬ

186

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Соблазн – Harlequin

Сара Андерсон

Неистовый соблазнитель

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Андерсон С. М.

Неистовый соблазнитель / С. М. Андерсон —
«Центрполиграф», 2016 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07044-9

Наткнувшись во время пробежки на беззащитного и всеми брошенного младенца, миллиардер Маркус Воррен растерялся, но у его личной помощницы Либерти Риз разом проснулся материнский инстинкт. А стоило Маркусу увидеть ее с ребенком на руках, он понял, что тоже хотел бы иметь семью. Либерти кажется ему подходящей кандидатурой на роль жены, но вот только она не видит будущего со своим боссом и яро сопротивляется его напору...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07044-9

© Андерсон С. М., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сара М. Андерсон

Неистовый соблазнитель

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

His Forever Family
© 2016 by Sarah M. Anderson

«Неистовый соблазнитель»
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Давайте, мисс Риз, – через плечо бросил Маркус Уоррен, – здесь не так уж и жарко.

Замедлив бег, он подождал, пока с ним сравняется помощница, Либерти Риз, по старой привычке машинально оглядываясь в поисках выбивающихся из общей картинки минивэнов с темными окнами, но, как обычно, если не считать остальных бегунов, в парке никого, кроме них с мисс Риз, еще не было. И это замечательно. Прошрое осталось в прошлом, и пора уже к этому привыкнуть.

Как же он любил озеро Мичиган в утреннем свете... Голубая вода, ясное небо и яркое солнце, висевшее едва ли не над самой поверхностью воды. Позже жара станет невыносимой, но раннее утро несло лишь освежающую прохладу, заряжая энергией на весь день.

Лишь в такие секунды Маркус чувствовал себя практически свободным.

Он задумчиво посмотрел на пульсометр.

– Вы же не собираетесь уступать жаре, мисс Риз? – усмехнулся он, растягивая четырехглавую мышцу бедра.

Судорожно дыша, мисс Риз остановилась рядом:

– Могу я в очередной раз заметить... что... во время пробежки никто ничего не записывает?

Но он-то ясно видел, каких сил ей стоит сдерживать улыбку.

Дождаясь, пока она восстановит дыхание, Маркус продолжал делать растяжку.

– Зато я говорю, разве это не считается?

Закатив глаза, она молча допила воду, и Маркус невольно улыбнулся. Он, Маркус Уоррен, наследник финансовой империи Уорренов по отцу и наследник сети отелей «Маркиз» по матери. И единоличный владелец собственноручно воздвигнутого «Уоррен капитала». Ему принадлежит половина «Черных ястребов Чикаго» и четверть «Чикагских быков», да вдобавок еще три четверти «Чикагского огня», профессиональной футбольной команды. Он один из самых богатых холостяков этого столетия и наверняка самый богатый в Чикаго.

И люди не закатывают в его обществе глаз.

Разумеется, за исключением мисс Риз.

Убрав бутылку, она взялась за бютус-гарнитуру, с которой никогда не расставалась.

– На что могут рассчитывать часовщики?

Дорогая марка часов неплохо развернулась в Детройте и теперь искала новых инвесторов для расширения. Маркус задумчиво посмотрел на сделанные под него часы из чистого золота.

– А сама как думаешь?

Вздыхнув, мисс Риз побежала дальше. Бегунья из нее вышла не слишком грациозная, зато она не только не отставала, но еще и успевала делать заметки. Пробежка – самое продуктивное время, и Маркус старался не упустить ни одной минуты.

И именно поэтому бегали они каждый день, не обращая внимания ни на жару, ни на дождь. Только лед удерживал их от ежедневного забега в парке, но на этот случай в офисе имелись беговая дорожка и столик для мисс Риз, чтобы она продолжала вести записи и вставляла ценные замечания.

Пропустив помощницу вперед, Маркус невольно засмотрелся на притягательные изгибы. Пусть она и не слишком грациозна, зато мимо нее ни один мужчина равнодушно не пройдет.

Качнув головой, Маркус быстро выбросил из головы лишние мысли. Он не из тех миллиардеров, что спят с собственными секретаршами. Отцовских подвигов на этом поприще

сполна хватит на них обоих, а его самого с мисс Риз связывают исключительно рабочие отношения. Ну и пробежки.

Он без труда ее догнал:

– Ну так как?

– Часы уже никто не носит, – выдохнула она тяжело. – Если только это не умные часы.

– Верно подмечено. Я собираюсь вложить в эту компанию двадцать пять миллионов.

От удивления мисс Риз даже споткнулась, но Маркус вовремя ее поддержал.

– Ты в порядке? Мы уже почти у фонтана. – У Букингемского фонтана они обычно разворачивались и бежали обратно.

– В порядке. – Она бросила на него косой взгляд. – Может, пояснишь, как ты пришел от мысли, что часы – мертвый рынок, к тому, чтобы вложить в него двадцать пять миллионов?

– Раз просто так их уже не носят, значит, они снова превратились в то, чем когда-то и были. В знак статуса. Только богатейшие потребители могут позволить себе приобрести часы стоимостью в пару роялей. Рынок часов не умер, мисс Риз, умер рынок массовых часов, а с роскошными экземплярами все обстоит совершенно иначе. – Он протянул к ней руку, показывая собственные часы. – Неплохо, правда? И всего за четыре с половиной тысячи долларов.

– А еще они послужат отличной рекламой, – кивнула помощница.

– Но пусть сперва «Роквотчес» в деталях изложат нам свою маркетинговую политику, а заодно подумают над возможностью установки в браслет от часов современных технологий.

Они наконец-то достигли фонтана, и мисс Риз остановилась, уперевшись руками в колени и судорожно втягивая в себя воздух.

– Еще что-нибудь скажешь? – спросил Маркус.

– Вы должны решить, будете ли присутствовать на свадьбе Хэнсон.

Маркус громко застонал:

– Это обязательно?

– Вы сами решили, что должны ее посетить, – напомнила она сухо. – Сами объявили, что пойдете туда с девушкой, и сами собирались убить одним выстрелом двух зайцев, назначив на следующий день встречу с продюсерами «Неудержимого безумия».

Маркус невольно улыбнулся, в очередной раз поражаясь женской безжалостности. Вообще-то это не он решил, что должен попасть в Лос-Анджелес на свадьбу Хэнсон и Спирса, да и кто в здравом уме захочет смотреть, как его бывшая невеста выходит замуж за любовника, с которым ему изменила?

Но мама вбила себе в голову, что он просто обязан заявиться на это торжество с девушкой и всем своим видом изображать счастье, чтобы оставить «тот неприятный инцидент в прошлом». Разумеется, если бы все шло так, как мечтала мама, ему все равно пришлось бы жениться на Лилибэт Хэнсон, потому что, по сравнению с великим замыслом, мелкая интрижка – это ничто. Лилибэт была из богатой семьи. Маркус выходец из богатой семьи и значительно преумножил семейное состояние. А вместе, по мнению его родителей, они могли бы править миром.

Вот только зачем? Маркус решительно отказался продолжать с ней какие-либо отношения и считал, что родители приняли его выбор. А потом пришло свадебное приглашение.

И самое отвратительное, что родители были не так уж и не правы, когда утверждали, что скандал определенным образом сказался и на его делах. Например, неспособность разглядеть правду о Лилибэт как бы подразумевала, что, возможно, он не сумеет правильно вложить деньги. Поэтому родители настаивали, что он обязан посетить свадебную церемонию, доказав всем и каждому, что они расстались по-хорошему. И при этом обязательно с девушкой, потому что, заявляясь на свадьбу бывшей в одиночку, он тем самым распишется в собственном поражении.

И теперь ему оставалось лишь выбрать девушку.

Он посмотрел на Либерти:

– И какие у меня варианты?

– Розетта Нейлор?

Маркус нахмурился:

– Слишком глупая.

– Катерина Набокова?

– От этой так и отдает русской мафией.

Либерти протяжно вздохнула:

– Эмма Грин?

Он невольно поежился. А ведь он действительно пару раз с ней встречался...

– Ты серьезно?

– Все в курсе, что вы ходили на свидания, так что она никого не удивит.

– Ошибаешься, если мы снова объявимся вместе, все решат, что дело идет к свадьбе.

И в первую очередь его родители.

Он изо всех сил старался сохранить с ними мир, даже едва на Лилибэт Хэнсон не женился, и все потому, что родители свято верили, что они идеально друг другу подходят.

Но больше он в эту ловушку не попадется.

– Мистер Уоррен, выбор ограничен, а время уже поджимает. Свадьба через две недели, и если вы действительно хотите прийти туда с девушкой, вам нужно ее пригласить.

– Ладно, тогда ты сама со мной пойдешь.

Открыв рот, помощница уставилась на него огромными глазами, а по ее лицу скользнуло нечто подозрительно похожее на желание.

Что? Неужели она действительно его хочет?

Но она быстро взяла себя в руки и выпрямилась:

– Мистер Уоррен, сейчас не время для шуток.

– А я и не шучу. Я тебе доверяю, и ты отлично подходишь. – Он шагнул чуть ближе. – Знаешь, порой мне кажется, что ты единственная, кто со мной честен, и уж тем более ты не станешь продавать все подробности этого «свидания» желтым газетам. – В отличие от Лилибэт, которая неплохо заработала на своей интрижке, попутно выставив его паршивым парнем и в жизни, и в спальне.

Либерти закусила нижнюю губу.

– Серьезно? По мне так вообще туда идти не стоит. Зачем давать ей очередную возможность причинить вам боль? – Голос ее стал гораздо мягче, а слова звучали так, словно она хотела его защитить.

Отличный вопрос. Он не хочет, чтобы Лилибэт в очередной раз прошла по его самолюбию, но он обещал родителям сохранить лицо и показать всем и каждому, что имя Уорренов до сих пор значит лишь деньги и власть.

– К тому же так, для справки, мне кажется, что вся эта идея с «Неудержимым безумием» хуже некуда. Проблема с Лилибэт заключалась в том, что твою частную жизнь выставили напоказ, а теперь ты сам собираешься на реалити-шоу, чтобы отыскать место для новых вложений? Ты как бы сам напрашиваешься, чтобы люди процветали за твой счет.

– Предполагается, что это отличный способ вывести нашу фирму на новый уровень.

Либерти снова закатила глаза, словно еще ни разу в жизни не слышала такой глупости.

– Серьезно? Как же ты тогда создал успешную фирму, занимающуюся венчурными капиталами, не являясь при этом знаменитостью? Сотни людей мечтают преподнести тебе свои идеи, странно даже, что они прямо здесь из кустов на нас не выпрыгивают.

Маркус невольно напрягся: но нет, никаких подозрительных машин и вооруженных людей в округе не наблюдалось. Прошлое осталось в прошлом.

– Знаешь что? – Шагнув еще ближе, Либерти уперлась указательным пальцем ему в грудь. – Иди на свое реалити-шоу, только помни, что уже на следующей пробежке тебе придется проталкиваться сквозь толпу идиотов в беговых кроссовках, мечтающих отхватить кусочек твоего времени и состояния. Маркус, одумайся, не делай того, что тебе говорят, делай лишь то, чего сам хочешь.

Маркус. Называла ли она его до этого хоть раз по имени? Вряд ли.

– А что, если я хочу, чтобы ты пошла со мной на свадьбу?

Интересно, она покраснела или это ему только кажется? Сложно сказать, когда она и так вся покрасневшая от жары и пробежки. Но что-то в ее выражении точно изменилось.

– Нет, – выдохнула она сухо и поспешила добавить, прежде чем он успел обидеться: – Я... Ничего хорошего из этого для тебя не выйдет.

Он ясно различил в ее голосе боль. Положив руку ей на плечо, он вдруг уловил в огромных глазах надежду. Он легонько коснулся ее щеки, и она едва ли не прильнула к его руке.

– А что мне от этого будет плохого?

Не успел он спросить, как понял, что зашел слишком далеко. Либерти Риз была отличной помощницей, да к тому же еще и невероятно красивой. Если не считать первые минуты после бега.

Вот только то, что сперва было всего лишь бесцеремонной шуткой, стало вдруг чем-то совсем другим. Чем-то большим.

Закрывшись, Либерти отступила на шаг и повернулась к озеру.

– Солнце уже высоко. Нужно заканчивать пробежку.

– У тебя вода осталась?

– Нет.

– Тогда давай бутылку. Тут в паре сотен метров есть питьевой фонтанчик, сбегаяю наполню.

– Спасибо. – Она протянула ему бутылку с таким видом, словно он только что не приглашал ее на свидание и не трогал ее лицо. Словно она ему не отказала. И почему-то теперь он еще больше ею восхищался. – Я подожду здесь, только постарайся не подцепить по дороге еще парочку сногшибательных идей, хорошо?

Бросившись к фонтанчику, он услышал, как она вдогонку кричит:

– Показушник!

Маркус рассмеялся.

Вода в фонтанчике оказалась слишком теплой, он решил немного подождать, надеясь, что дальше пойдет прохладнее, и задумчиво огляделся по сторонам. Всего в паре шагов от него стояла урна, а вокруг на земле валялись пакеты и банки. Черт, и почему некоторым так сложно за собой убрать? Урна же совсем близко.

Наполнив бутылку и раздумывая над тем, не позвонить ли мэру, чтобы обсудить график работы уборщиков, Маркус вдруг услышал какой-то тихий, но выбивающийся из общей картинки звук. Не чайка, не белка... котенок?

Оглянувшись, он постарался определить источник звука. Обувная коробка рядом с урной чуть сдвинулась.

У Маркуса внутри все разом сжалось. Кому придет в голову выкидывать котенка? Бросившись вперед, он поднял крышку и...

Бог ты мой. Не кошка. И даже не котенок.

Ребенок.

Глава 2

Пытаясь отдышаться, Либерти дождалась, пока Маркус добежит до фонтанчика, и перевела взгляд на озеро. Нехорошо получится, если кто-нибудь поймает ее за созерцанием пятой точки начальника. Даже если эта точка у него чертовски хороша. И даже если хозяин этой точки только что повел себя как последняя скотина.

Либерти задумчиво впитывала в себя свежесть утренних красок. Она не была в церкви уже лет пятнадцать, но каждое утро прибегала сюда и любовалась озером Мичиган, тихо благодаря Бога и любую высшую силу, готовую ее выслушать.

Она жива и здорова. У нее есть хорошая работа и зарплата, которой хватает на еду и квартиру, да еще остается на приятные мелочи вроде беговых кроссовок и стрижки.

– Либерти?! – крикнул от фонтанчика Маркус. – Либерти!

Она удивленно взглянула на начальника. Да что с ним сегодня такое? Она работала на него потому, что он всегда обращался с ней как с равной. И пусть она отлично понимала, что это всего лишь иллюзия и она не равня такому человеку, как Маркус Уоррен, но, черт возьми, это ее иллюзия!

И работала эта иллюзия лишь потому, что бегали они всегда вдвоем и в спортивных костюмах. Но стоило ему надеть костюм за четыре тысячи долларов, а ей – лучшее из того, что продавалось в торговом центре с восьмидесятипроцентной скидкой, как иллюзия разом рассеивалась. И уж точно иллюзия не выдержит трехдневных свадебных гуляний, на которые наверняка ушло больше, чем она за всю жизнь сумеет заработать.

– Либерти! – заорал он еще громче.

Неужели он настолько не привык, чтобы женщины ему отказывали? Или кого она пытается обмануть? Таким мужчинам не отказывают. Да и зачем? Он великолепен, богат и одинок.

– Что?

– Ты нужна мне! Быстрее!

Она вдруг поняла, что он уже не стоит у фонтанчика, а склонился над урной. Черт, это же не сердечный приступ?

Неплохо натренировавшись за три года ежедневных пробежек, она со всех ног бросилась к нему.

– Ты в порядке? – выдохнула она. – В чем дело?

Обернувшись, он посмотрел на нее испуганными глазами и прижал палец к губам. И тогда она услышала тихий писк.

Опустив взгляд, она увидела нечто невероятное. Коробка, а в ней что-то маленькое, темное и подвижное.

– Ребенок? – в ужасе прошептал Маркус.

– Ребенок! – удивленно воскликнула Либерти. В детях она совсем не разбиралась, но этому явно еще и недели не было. Грязные тряпки, пятна, что вполне могли оказаться грязью, но на темной коже больше всего походили на высохшую кровь, клочки темных волос на крошечной головке... Пораженная Либерти разглядывала малыша, все еще не в силах ничего понять. Новорожденный афроамериканец в обувной коробке у мусорки.

– Она была... коробка... закрыта, – промямлил Маркус. – Услышал звук и... ребенок. Ребенок!

Малыш открыл ротик и снова запищал. На этот раз громче, и звук разом вывел Либерти из оцепенения. Иисусе! Кто-то выкинул ребенка на помойку!

– Двигайся, – приказала она Маркусу, решительно отодвигая начальника.

Дрожащими руками она вытащила малыша из коробки. Тряпка упала, и она увидела, что на покрытом засохшей грязью неимоверно худом мальчике даже подгузника нет.

– Бог ты мой, – прошептала Либерти, когда малыш завозился у нее в руках. Какой же он горячий!

– И что нам теперь делать? – прошептал явно запаниковавший Маркус.

– Воды. Он слишком горячий.

Он протянул ей ее же собственную бутылку, а она вручила ему свалившуюся с малыша грязную тряпку.

– Намочи ее.

Ребенок снова заерзал у нее в руках, и Либерти вдруг померещилось, что это не мальчик, которого она только что вытащила из обувной коробки, а Уильям, ее братик, которого она не только никогда не держала на руках, но даже так ни разу и не увидела. Неужели он был таким же, когда мама родила в тюрьме и его отдали в систему опеки, где он и умер?

Нет, кем бы ни был этот малыш, она ни за что не позволит ему умереть.

– Это омерзительно, – выдохнул Маркус, но она не обратила на него внимания и, скрестив ноги, уселась на гравий.

– Все хорошо, – прошептала она, капая водой в ротик ребенка. – Ты же хороший мальчик, верно? Ну конечно, хороший, умничка просто. – Мальчик замотал головой и жалобно завыл. Либерти мгновенно запаниковала. А что, если ничего не получится? И она не сможет его спасти? – Мы тебя очень любим, – заверила она малыша со слезами на глазах. – И ты очень сильный и обязательно со всем справишься, верно ведь?

– Держи. – Маркус протянул ей мокрую тряпку, только это оказалась не грязная рвань, а его собственная футболка.

Подняв глаза, она уставилась на обнаженную грудь Маркуса Уоррена, которой в любой другой ситуации не преминула бы полюбоваться, да и как не восхищаться такой красотой? Мускулистое и подтянутое, но при этом худощавое тело прирожденного бегуна...

Но тут малыш снова запищал, и она мгновенно вспомнила, что сейчас у нее есть дела поважнее, чем внезапный стриптиз начальника.

Она подняла малыша на вытянутых руках.

– Заверни его в футболку.

Маркус послушно выполнил указание, и бедный малыш запищал еще громче от внезапной смены температуры.

– Все хорошо, – прошептала она, снова пытаясь его напоить. – Тебе сейчас станет лучше.

– Может, сбежать за помощью? Что нам вообще делать?

Помощь. Точно. Именно это им сейчас и нужно.

– Телефон у меня в рюкзаке. – Маркус никогда не брал свой на пробежку. – Звони 911. – Она сама удивилась, как спокойно звучит ее голос. Словно по вторникам всегда находила малышей на грани теплового удара в помойке.

Присев на корточки, Маркус вытащил у нее из рюкзака телефон.

– Нашел. – Не задумываясь, она назвала пароль, и он набрал номер. – Мы у Букингемского фонтана нашли в мусоре ребенка!

Зачем так громко?

– Ш-ш-ш, – протянула она, успокаивая малыша, пока Маркус разговаривал с диспетчером. – А так будешь? – Окунув палец в бутылку, она прижала его к крошечному роту.

Малыш жадно засосал, а когда она убрала палец, чтобы снова его намочить, возмущенно захныкал.

Вернув ему палец, она облегченно вздохнула и постаралась подумать. Во второй приемной семье был младенец, как его успокаивали?

Вспомнив, она начала раскачиваться вперед-назад, не обращая внимания на впившийся в ноги гравий.

– Хороший мальчик, – прошептала она, отчаянно надеясь услышать звуки сирен. – Мы тебя любим, ты со всем справишься.

Минуты мучительно шли, а у нее никак не получалось заставить малыша выпить еще воды, но он яростно присосался к кончику ее пальца. Она продолжала покачиваться и ворковать, и наконец малыш немного расслабился и свернулся калачиком у нее на руках. Либерти прижала его к себе чуть крепче.

– С ним все в порядке? – спросил Маркус.

Подняв глаза, Либерти постаралась не пялиться на его обнаженную грудь. За все три года, что у него проработала, она еще ни разу не видела, чтобы он был так близок к панике.

– Кажется, он заснул. Бедняжка. Ему же всего несколько дней от роду.

– Как его могли бросить? – Вот это уже куда больше походило на знакомого ей Маркуса. Разочарован, что мир не дотягивает до его стандартов.

– Как-то смогли.

Она снова посмотрела на ребенка, даже во сне не отпуская его пальца. Если не считать грязи и жара, он казался совершенно здоровым. Правда, Уильяма она так и не увидела и не представляла, как выглядят наркозависимые младенцы. Круглая голова, припухшие глаза... Она видела фотографии здоровых малышей, что как две капли воды походили на этого... Но она же все равно в них совсем не разбирается!

– Ты само совершенство, знаешь об этом? – прошептала она мальчику, и снова посмотрела на Маркуса. – Держи футболку, намочи еще раз, кажется, он немного остыл.

Маркус безропотно ей повиновался.

– Ты отлично справляешься, – заметил он, когда Либерти снова заворачивала малыша в футболку. Младенец вздрогнул, но пальца так и не отпустил. – Не знал, что ты так хорошо разбираешься в детях. – В его голосе ясно читалось восхищение.

«Ты вообще обо мне многого не знаешь». Но вслух она этого говорить не стала, потому что еще не прошло и двадцати минут, как Маркус Уоррен сказал, что доверяет ей, потому что она всегда с ним честна.

Но пусть и не до конца честна, она никогда целенаправленно ему не врала. Она вообще ненавидела врать, но порой иного пути просто не было.

– Наверное, материнский инстинкт сработал. – Да и как иначе? Малыш отчаянно в ней нуждался, и она просто не могла его бросить.

Ребенок вздохнул, как она надеялась, довольно, и в груди у нее что-то дрогнуло.

– Замечательный мальчик. – Подавшись вперед, она поцеловала его в лоб.

Наконец-то зазвучала сирена. Рядом с ними остановилась машина скорой помощи, и санитары отобрали у нее отчаянно заоравшего младенца. И от этого крика у нее едва не разорвалось сердце.

Вслед за медиками к ним подошел офицер полиции и принялся их расспрашивать прямо у «скорой», пока Либерти пристально следила, как малышу выдают соску и заворачивают его в чистое одеяло.

– С ним все будет в порядке? – спросила она, когда один из санитаров вылез наружу и начал закрывать двери.

– Сложно сказать.

– Куда вы его отвезете?

– Ближе всего северо-западная.

Маркус мгновенно отвернулся от полицейского.

– Везите в детскую. – Он уже успел снова надеть мокрую грязную футболку.

Пожав плечами, санитар захлопнул двери, отрезав их от младенца, и «скорая» уехала.

Когда полицейский записал их последние показания, она спросила:

– Вы сумеете отыскать его мать?

В ответ он лишь пожал плечами, и Либерти вздохнула. Да и чему тут удивляться? Она сама едва пережила собственное детство, потому что у всех, за исключением бабушки Девлин, не было времени проверять, что там происходит с малышкой Либерти Риз.

– Если бы мать оставила ребенка в полицейском участке, одно дело, но это... – Он снова пожал плечами. – Не уверен, что мы сможем ее отыскать. Обычно детей бросают рядом с местом их рождения, и кто-нибудь из соседей всегда что-нибудь знает, но посреди парка?

Он повернулся, словно считал разговор оконченным.

– А что будет с ребенком? – остановил его Маркус, хотя Либерти и сама могла ему на это ответить.

Если не удастся отыскать родителей, малыш окажется в системе опеки и рано или поздно попадет в приемную семью, но, скорее всего, только после того, как закроют его дело. А на это потребуются определенное время и тогда он уже не будет таким малышом. Он будет значительно больше. Да к тому же он еще и темнокожий. А это значительно усложняет дело.

Либерти невольно посмотрела вслед уехавшей «скорой».

Полицейский улыбнулся Маркусу:

– Отдел опеки о нем позаботится.

Она непроизвольно поморщилась. У нее не было ни одного приятного воспоминания об этой структуре равнодушных людей. Повзрослев, она поняла, что они просто не справляются с огромным потоком попавших к ним детей, но все равно не могла забыть, как когда-то спрашивала, почему за ней не приходят ни мама, ни бабушка Девлин, а в ответ ей без конца твердили, чтобы она успокоилась и не думала о ерунде. Как будто она могла не думать о внезапно исчезнувшей матери.

Что же все-таки ждет этого малыша? Посмотрев на руки, она вдруг поняла, что успела привыкнуть к весу крошечного тельца.

– Маркус, – прошептала она, пока полицейский садился в машину. – Мы не можем его потерять.

– Что?

Она схватила его за руку, словно шла ко дну и лишь эта рука могла ее спасти.

– Малыш. Он окажется в системе опеки, но когда полиция закроет дело, может быть уже слишком поздно.

Маркус смотрел на нее так, словно она вдруг заговорила по-китайски.

– Поздно? Для чего?

Открыв рот, она чуть не призналась, что прошла через эту систему и знает ее изнутри, но в последнюю секунду все же прикусила язык. Она сама создала ту Либерти Риз, что стояла сейчас перед Маркусом.

Белая выпускница колледжа, мастерски управлявшая временем и деньгами, всегда ко всему готовая и разбирающаяся в любой теме. Эта Либерти Риз была бесценной помощницей, но лишь потому, что знала себе цену.

И эта женщина не имела ничего общего с другой Либерти Риз. Неряшливой дочерью темнокожей наркоманки, торговавшей собственным телом на Углу смерти в Кабрини-Грин, чтобы позволить себе очередную дозу. Каждый раз, когда мать попадала в тюрьму, Либерти отправляли в очередную приемную семью, и она не то что имени отца не знала, даже понятия не имела, был он черным или белым, а ее пристрастившийся еще в утробе матери к героину и кокаину братик умер, и она так ни разу его и не увидела.

Но все это уже не имело к ней никакого отношения. Она больше никогда не будет потерянной и слабой.

Она снова смотрела в сторону уехавшей «скорой». Но этот малыш... Он так мал и беззащитен. И одинок. Как был одинок ее брат те недели, что ему все-таки удалось прожить.

Но она не позволит этому повториться.

Открыв рот, чтобы заговорить, она вдруг поняла, что не может выдать из себя ни слова, а в глазах стоят слезы.

Черт, неужели она сейчас расплачется? Ну уж нет. Либерти Риз не плачет. Ее чувства над ней не властны. Больше не властны.

Маркус с тревогой на нее посмотрел и снова прикоснулся к ее щеке.

– Либерти...

– Пожалуйста. – Она все же нашла в себе силы заговорить. – Маркус, ребенок...

А потом она все-таки заплакала, и уже в следующую секунду Маркус крепко ее обнял и притянул к себе.

– Все хорошо, – прошептал он, глядя ее по спине. – С ним все будет хорошо.

– Ты не можешь этого знать, – возразила она, стараясь не слишком на нем виснуть. Что вообще происходит? Маркус Уоррен ее обнимает? Успокаивает?

Впитывая в себя его запах и прикосновения, она невольно замерла на месте, необычайно остро ощущая его мужественность. Сильнейший порыв желания так внезапно наложился на панику из-за ребенка, что Либерти разом оцепенела, не в силах ни отстраниться, ни ответить на объятия. Замерев на месте, она отчаянно мечтала о большем, но при этом отлично понимала, что мечты навсегда так и останутся мечтами.

Слегка подавшись вперед, Маркус наклонил ей голову, заставляя посмотреть себе прямо в глаза. Так нечестно! Не в силах пошевелиться, она смотрела в голубые глаза того же цвета, что и озеро Мичиган в ясный день. Мало того что он идеален, богат и чертовски привлекателен, так теперь еще и эта нежданная нежность? Почему ее так сильно к нему тянет, когда она ни капельки его не заслуживает?

Осторожно проведя пальцем по ее щеке, он смахнул с нее слезинку.

– Он так тебе важен? Этот ребенок?

– Да. – А что тут еще можно сказать?

– Тогда я прослежу, чтобы с ним точно все было в порядке. – Он все еще продолжал поглаживать ее по щеке, пока его вторая рука крепко прижимала ее за талию, а уголки губ слегка дрогнули, сложившись в улыбку. И как же она хорошо знала эту улыбку! Улыбку человека, который непременно добьется желаемого.

Не в силах устоять, она подалась вперед, наслаждаясь его прикосновениями.

– Проследишь? Но зачем тебе делать это ради меня?

В его глазах что-то мелькнуло, а голова стала наклоняться к ее собственной, и Либерти вдруг поняла, что он собирается ее поцеловать. Ее начальник собирается ее поцеловать, и она не просто ему позволит, но и ответит. И куда только делись все те годы, когда она отчаянно об этом мечтала, но гнала от себя эти мысли?

Но Маркус так ее и не поцеловал.

Вместо этого он выдохнул:

– Затем, что ты очень много для меня значишь.

Она разом забыла, как дышать. Она много для него значит? Не просто ценный работник, а она сама, Либерти Риз, много для него значит?

Но тут зазвонивший будильник разом привел их в чувства, и Маркус быстро отстранился, вернув ей телефон. А она уже и забыла, что все это время мобильник был у него...

Уже восемь сорок пять? Пробежку они начали в семь.

– Через пятнадцать минут у тебя видеоконференция с Домбровски и обсуждение его проекта биоинженерной фабрики. – Несмотря на жару, после объятий Маркуса она едва ли не дрожала от холода.

– Похоже, мы немного выбились из графика, – рассмеялся Маркус. – Даже душ еще не приняли.

Она невольно представила, как они вместе моются в душе. Обычно они бежали до его квартиры, он быстро приводил себя в порядок, а она на метро ехала в офис, где принимала душ, переодевалась и приводила в порядок сделанные на пробежке записи, а в полдесятого появлялся Маркус с таким видом, словно только что сошел с красной дорожки.

Какой уж там совместный душ? Они же даже в одном здании никогда не мылись!

Правда, раньше не было ни слез, ни объятий. До этого дня физический контакт сводился исключительно к рукопожатиям да редким дружеским похлопываниям по плечу. И все.

– Позвонить и перенести встречу?

– Да, пожалуйста. Сразу после этого возвращаемся, и я сделаю пару звонков.

Вот и хорошо. Они оба сделают вид, что не было никаких прикосновений, объятий и даже приглашения на свадьбу тоже не было.

Но Маркус вдруг подался вперед и, пристально посмотрев на ее губы так, что она снова размечталась о так и не случившемся поцелуе, произнес:

– Либерти, я тебе обещаю, что мы ни за что не потеряем этого малыша.

Глава 3

Целых три часа Маркус убил на то, чтобы отыскать нужного чиновника. Главный врач детской больницы с пониманием отнесся к его просьбе, но сразу же объяснил, что не имеет права разглашать никакой информации, однако уже через двадцать минут перезвонил и продиктовал номер нужного ему куратора системы опеки.

Куратор оказался далеко не столь любезен, но все же назвал управленца, отвечавшего за распределение детей по ответственным соцработникам. А когда Маркус наконец-то дозволился до этого управленца, выяснилось, что к малышу пока так и не приставили соцработника.

– Мистер Уоррен, мы стараемся изо всех сил, но у нас мало сотрудников и средств. Ребенок еще пару дней пробудет в больнице, и при первой же возможности мы к нему кого-нибудь направим.

– Этого мало.

– И что же вы предлагаете делать?

Быстрый поиск показал, что нынешний глава опеки учился вместе с отцом Маркуса. Так, понятно, с этого и надо было начинать. Маркус с детства уяснил, что политические одолжения и щедрые пожертвования способны изменить мир.

Еще двадцать минут ушло на то, чтобы дозвониться в приемную начальства, а еще двадцать минут спустя это самое начальство лично заверило Маркуса, что уже в течение часа малышу выделят лучшего соцработника.

– Разумеется, обычно мы в такие подробности посвящаем лишь родственников...

– Я буду расценивать это как личное одолжение.

Да и как иначе, после того как он видел Либерти, ухаживающей за младенцем и с неприкрытым отчаянием смотревшей вслед «скорой»? После того как она расплакалась, ища утешения в его руках?

После той бесконечной благодарности, с которой она смотрела, когда он сказал, что обо всем позаботится?

Да, это дело стало для него очень личным.

– Передайте вашему отцу мои наилучшие пожелания, – попросил на прощание глава опеки.

– Обязательно! – пообещал Маркус, хотя сам бы предпочел, чтобы отец вообще никогда не узнал об этом разговоре и его причинах.

Если Лоренс и Мариса Уоррены узнают, они наградят его своим фирменным разочарованным взглядом, который он безошибочно узнавал, даже несмотря на десятки пластических операций. Политические услуги и одолжения – это одно, но пойти на нечто подобное ради какого-то брошенного ребенка? Из-за заплакавшей секретарши?

«Ну и что надеешься на этом выиграть?» – спросила бы мать, жившая в мире, где каждый раз, взаимодействуя с людьми, ты что-то выигрывал или терял.

Уоррены же никогда ничего не теряли.

А отец, прославившийся интрижками с секретаршами?

«Если хочешь, просто возьми ее» – вот что бы он сказал.

Но так он точно не хотел. Не хотел ее использовать. Не хотел быть таким, как отец. Но и выйти из его тени было непросто. Маркус окончил выбранный родителями университет, встречался с предварительно одобренными дочерьми их друзей. Черт! Даже его собственная компания «Уоррен капитал» выросла из идеи отца.

Годами он старательно ослаблял нити, связывающие его с родителями, и в итоге ему все же удалось добиться независимости. И Либерти стала частью этой борьбы, когда он

нанял ее вместо маминой подруги, которая обязательно стала бы доносить Марисе о каждом его шаге. Нанял девушку из никому не известной семьи, основываясь лишь на данных ей рекомендациях и ее упорстве.

И за это своеволие он дорого заплатил. Так же, как и когда-то отказался жениться на Лилибэт Хэнсон. Но выиграл еще больше.

Выиграл свободу и независимость.

Но он все равно не мог допустить, чтобы родители узнали всю правду.

– Мистер Уоррен? – В дверях появилась Либерти. И вот он снова лишь «мистер Уоррен»... А как приятно было побыть просто Маркусом...

– Да?

– Мистер Шабот на связи. – Уловив его непонимающий взгляд, она пояснила: – Продюсер «Неудержимого безумия». Он ждет подтверждения встречи в Лос-Анджелесе.

Точно. Маркус все утро потратил на поиски младенца, но это не отменяло его настоящей работы.

– Что ты ему сказала?

Либерти слегка нахмурилась.

– Я попросила его оставаться на линии. – Напуганная, заплаканная женщина исчезла, и перед ним вновь стояла уверенная, ясно мыслящая помощница.

– Спасибо, мисс Риз, – поблагодарил он, лишь бы не думать, как этим утром держал ее в своих руках и, шутя, звал на свадьбу, сам еще не понимая, что это вовсе не шутка. А это плохо. Она – помощница, а не очередная дамочка из его социального круга. Если бы он пришел с ней на такое важное мероприятие, сразу бы пошли разговоры. Маркус Уоррен соблазнил собственную секретаршу или, хуже того, решат, что она умело им вертит, как когда-то вертела Лилибэт.

Но он все равно хотел, чтобы именно она составила ему пару. Он мог ей доверять и рядом с ней чувствовал себя в безопасности. И она сама сказала, чтобы он делал то, что хочет.

Кивнув, она развернулась, чтобы уйти.

– Либерти.

На мгновение застыв, она снова к нему повернулась: — Да?

– Я навел о ребенке справки. Как только узнаю что-то конкретное, сразу же тебе скажу.

Ее лицо сразу же смягчилось, и Маркус невольно поразился ее тихой красоте. Оказывается, за маской уверенной в себе помощницы все это время пряталась настоящая красавица. И как он раньше этого не замечал?

– Спасибо.

Отыскав малыша, он ничего не выигрывает. Этот ребенок не принесет ему ни денег, ни власти. И при необходимости даже не сможет сделать ему ответное одолжение.

Но он дал Либерти обещание и во что бы то ни стало собирался его сдержать.

Разглядывая рекламу «Роквотчес», Либерти снова вспоминала малыша. С тех пор как она прижимала его к груди, прошло уже четыре дня, а она до сих пор ничего о нем не знала. Он все еще в больнице? Все ли с ним в порядке?

Убеждая себя, что ей не о чем беспокоиться, она вновь постаралась сосредоточиться на рекламе. Пустой тревогой делу не поможешь, к тому же Маркус обещал обо всем позаботиться. А его обещаниям она верила.

Четыре дня. Четыре дня назад Маркус держал ее в своих объятиях и пообещал, что найдет малыша, потому что он для нее важен, а сама она важна Маркусу.

С того дня не было ни объятий, ни долгих взглядов, ни упоминаний о свадьбе, правда, последнее точно скоро изменится. Если он все же собирается туда идти, ему нужно выбрать

себе спутницу. Безопасную спутницу, которая разглядит в нем нечто, кроме отличного тела и огромного...

Банковского счета.

Зазвонил телефон.

– «Уоррен капитал», чем могу вам помочь?

– Мисс Риз. – Мгновенно узнав голос Марисы Уоррен, Либерти стиснула зубы. – Как там мой сын?

– Отлично, миссис Уоррен. – Ни в какие подробности она вдаваться не собиралась.

Взяв ее на работу, Маркус ясно дал понять, что работает она исключительно на него и ни Лоренс, ни Мариса Уоррены не имеют к ней никакого отношения. И, вздумай она сообщить его родителям хоть что-то о его делах, проектах и личной жизни, он сразу бы указал ей на дверь.

К счастью, она уже давно научилась говорить то, чего от нее ждут, не сообщая при этом ничего существенного.

– Я тут задумалась, – продолжала Мариса, – выбрал ли он уже себе спутницу на свадьбу Хэнсон?

До нее осталась всего пара недель, и он отлично понимает, насколько ему важно там показаться.

Сперва Либерти не понимала, почему Маркус так старательно пытается оградить себя от назойливого родительского внимания, сама-то она всю жизнь мечтала, чтобы у нее были заботливые отец и мать, а Мариса Уоррен явно интересовалась сыном.

Вот только внешность обманчива.

– Миссис Уоррен, – Либерти, как всегда, старалась говорить вежливо, но она уже давно поняла, что, хотя сам Маркус весьма ее уважает и ценит, для его родителей она мало чем отличается от служанки, – я не могу сообщить вам ничего конкретного.

– Но ты же наверняка что-нибудь слышала?

Либерти полностью сосредоточилась на том, чтобы говорить спокойно.

– Как вам известно, мистер Уоррен не обсуждает со мной свои личные дела.

По правде сказать, она не очень понимала, в какой степени для него эта свадьба личное, а в какой вполне рабочее дело. Когда разыгрался тот скандал, она прочитала все, что сумела отыскать в прессе, но сам он в офисе так ни разу об этом и не заговорил. Они лишь пару раз касались этой темы на пробежке, да и то больше в контексте «исправления вреда», чем «чувств».

Он попросил ее подготовить список женщин, готовых составить ему пару, а потом, шутя, попросил ее саму составить ему компанию.

– Хм. – Наверное, это самый непристойный звук, который Мариса вообще способна издать, но даже он в ее исполнении казался весьма приятным. – Передай, чтобы позвонил, когда освободится. – За все эти три года она ни разу не попросила Маркуса к телефону, и Либерти уже давно поняла, что звонит она не с сыном поговорить, а поговорить о нем.

Вежливость вежливостью, но у нее есть лишь один начальник.

– Разумеется, миссис Уоррен.

Отключившись, Либерти продолжила изучать рекламу «Роквотчес». Раз уж Маркус решил преподнести их как товар экстра-класса, рекламу придется слегка изменить. Сейчас там чересчур много текста о возрождении Детройта, а фотографии не слишком впечатляют. Придется внести определенные поправки.

За годы работы у Маркуса она уже давно поняла, что богатым покупателям нужны эксклюзивные вещи. Они хотят не просто лучшее, они хотят точно знать, что их обновка лучше, чем у их друзей и соперников. Им мало отличных часов, спортивных машин и изысканных зданий, им нужно, чтобы все это было единственным и неповторимым. Наверное,

именно поэтому они столько и тратят на произведения искусства. Там-то уж сразу ясно, что они покупают штучный товар.

Разумеется, она никогда не станет своей в этом мире, но за три года она научилась вполне бегло говорить на его языке.

Она как раз заканчивала записи, когда ей позвонил Маркус:

– Мисс Риз?

– Иду. – Подхватив планшет и рекламные листовки, она направилась к нему в кабинет, отлично демонстрирующий теорему о том, что богатый человек просто обязан иметь все самое лучшее.

Сама фирма была сравнительно небольшой, Маркус нанял всего пятнадцать человек для ведения дел и отчетности, но располагалась она на верхнем этаже высочайшего небоскреба на улице Ла-Сале, чикагской Уолл-стрит. Его же собственный кабинет находился на углу здания, и сквозь стеклянные стены он всегда мог любоваться центром города и озером Мичиган. Как и следовало ожидать, «Уоррен капиталу» принадлежал весь этаж, и лучшим видом из окна наслаждался лишь Маркус и один только Маркус.

И собрав всю волю в кулак, она все же сумела отвоевать себе в этом мире крошечный уголок. Пусть она всего лишь помощница, и каждые полгода приходится покупать новые беговые кроссовки, это не важно. Она любит офис, любит вид из окна. Любит чистоту и яркость. Больше никаких трещин на потолке и тараканов за холодильником, а стоит чему-то сломаться, как сразу же за дело берутся специалисты. Здесь всегда горит свет и работает отопление. Она наконец-то сумела вырваться из жалких лачуг Кабрини-Грин.

– Звонила миссис Уоррен, – сообщила она, устраиваясь на своем привычном месте перед Маркусом.

– Чтобы вытянуть из тебя мои планы на свадьбу Хэнсон? – уточнил он, не оборачиваясь.

– Именно. Ее волнует твоя спутница. Точнее, ее отсутствие.

Маркус тяжело вздохнул.

– Если тебе еще интересно, я кое-что узнал о младенце.

– Что?! – воскликнула она и, поймав на себе удивленный взгляд, заставила себя успокоиться. – То есть, конечно, мне интересно.

– Но сама ты о нем даже не спросила.

– Ты обещал навести справки, и я не хотела лишний раз тебя дергать.

Он удивленно на нее посмотрел, но за этим удивлением угадывались нежность и забота. Та самая забота, из-за которой он и дал это обещание.

– Либерти, – начал Маркус, и она почувствовала, как у нее сразу же загорелись щеки. Но что плохого в том, что ей нравится, как он произносит ее имя? – Не говори так, словно ты обуза.

Она судорожно сглотнула.

– Хорошо.

– Малыша уже выписали из больницы.

– Как он? С ним все хорошо? Его маму уже нашли?

– Здоров как бык, но его родителей пока так и не отыскивали. – Он виновато на нее посмотрел. – Судя по всему, даже несмотря на мои настоятельные просьбы, ищут они не слишком упорно. Не думаю, что такими темпами они вообще их когда-нибудь отыщут.

Она даже не знала, как на это реагировать. С одной стороны, так жаль малыша, но с другой... Его же один раз уже бросили. Найдут они его мать, и что дальше? Чтобы бросить ребенка, не обязательно оставлять его в парке. И она слишком хорошо об этом знает.

– Меня заверили, что ему нашли заботливую приемную мать и обеспечили всем необходимым.

Уставившись на Маркуса, она вдруг поняла, что ее рот все еще открыт. Глубоко вдохнув, она заставила себя немного успокоиться. Заботливую приемную мать? Все необходимое? Сама она ничего этого так и не получила.

– Отлично, могу я его навестить?

Маркус посмотрел на нее так, словно она попросила космическую лошадку.

– Я не спросил адреса.

– Понятно. – Она уставилась на стол. – Просто я подумала, что... – Кашлянув, она попыталась вернуться к делам. – Я изучила рекламу «Роквотчес» и считаю, что она не отвечает требованиям выбранного тобой рынка. А еще тебе нужно отыскать спутницу на свадьбу.

Передав Маркусу рекламные листовки и свои заметки, она встала и направилась к двери.

Ладно, так даже лучше. Она сделала все, что в ее силах, Маркус сдержал обещание, а с малышом все будет в порядке.

Да и что тут еще остается? Ну не самой же ей ребенка усыновить. Она работает с девяти утра до шести вечера пять дней в неделю, а потом еще приходит в офис в субботу, чтобы подготовиться к общему еженедельному собранию. У нее просто нет другого выбора. Она слишком мало знает об этом мире и не может допустить, чтобы в ней разглядели истинные корни, поэтому ей приходится без устали трудиться круглыми сутками.

– Либерти.

Оклик застал ее на пороге.

Замерев, она сразу же напряглась. Не собирается же он снова звать ее на свадьбу? Она обернулась.

– Да? – Этот взгляд. – Ты же не собираешься снова звать меня с собой на свадьбу?

Маркус насмешливо ухмыльнулся:

– Кажется, ты сама велела поступать так, как мне хочется.

Но не может же он в самом деле хотеть именно этого?

– Да, но...

– Так ты хочешь снова его увидеть? Я про малыша?

Она пристально на него посмотрела. Это какая-то игра? Но для нее это совсем не шутка.

– Мистер Уоррен, вы же не станете ломать комедию? Только не говорите, что раздобудете его адрес, если я соглашусь пойти с вами на свадьбу, став каким-то подобием человеческого щита...

Маркус разом напрягся. Мало кто осмеливался ему отказать, но Либерти как раз и принадлежала к этим немногим.

– Просто ответь на вопрос. Хочешь ли ты снова увидеть малыша?

Она стиснула зубы:

– Да.

– Вот и все.

Повернувшись, Маркус снова сосредоточился на компьютере, словно вообще забыв о ее присутствии.

И ей это совершенно не понравилось.

Глава 4

Чтобы выяснить фамилию и адрес приемной матери, на этот раз Маркусу пришлось просто представиться, и разговаривавшая с ним сотрудница службы опеки буквально с ног сбилась, стараясь ему угодить.

Что ж, приятно, когда хоть кто-то ведет себя подобающим образом. В отличие от его личной помощницы.

Маркус задумчиво посмотрел на записанные на фирменном бланке данные. Хейзел Джонс. Роджерс-Парк.

Ну что за бред? Сейчас ему следовало бы обдумать стратегию и тактику выживания на свадьбе, а вместо этого он тратит силы, время и энергию, разыскивая брошенного младенца ради секретарши.

Он ничего на этом не выиграет. И он не хочет превращать Либерти в щит... Да одно предположение, что этот щит ему необходим, уже само по себе оскорбительно. Черт, он Уоррен. Он всегда получает желаемое, никогда и ни от кого не прячется и безжалостно сокращает осмелившихся встать у него на пути безумцев.

Вот только в данном случае этим безумцем оказалась Либерти Риз.

Когда он вышел из кабинета, она разговаривала по телефону, бросив на него лишь встревоженный взгляд. И от этого он еще больше разозлился. Да что он такого сделал, что она его теперь боится? Ничего он не делал! И это при том, что отец уже в конце первого месяца уложил бы ее прямо на стол, а вздумай она потом хотя бы раз косо на него взглянуть, похоронил бы заживо.

А он себя как вел? Относился с уважением и ни разу и пальцем не тронул, ясно дав понять, что ее сексуальность не имеет к работе никакого отношения.

Он всего лишь попросил сопровождать его на свадьбу, а теперь она ведет себя так, словно он какой-то престарелый развратник. И она его боится.

– Да, – продолжала она телефонный разговор. – Верно. Нет. Нет. – Теперь ее слова звучали жестче. – Эти данные должны быть у меня на столе к двенадцатому. – Она подняла на него глаза: – Да?

Он скрестил руки на груди:

– Ничего, я подожду.

Даже в этом вопросе звучала тревога. Черт, наверное, все же не стоило звать ее с собой. Тем более что он и сам туда идти не хочет.

– Нет, к двенадцатому. Что тут неясно? К двенадцатому! – рявкнула Либерти, и он невольно улыбнулся.

Он ее нанял потому, что она жила вне сферы влияния его родителей и бегала по утрам. И ни разу не пожалел о своем выборе. Она оказалась первоклассной помощницей и при необходимости не боялась настоять на своем.

Закатив глаза, она быстро просмотрела стопку бумаг, вытащила одну страницу и протянула ее Маркусу.

«Кандидатки в спутницы на свадьбу Хэнсон – Спирс». А под этим заголовком следовал список имен и телефонов.

Маркус сухо взглянул на помощницу, но она не обратила на него ни малейшего внимания.

– Да, отлично. Посмотрим, что у вас получится. – Выключив телефон, она глубоко вдохнула. – Что ж, на данном этапе производители детской одежды отвратительно себя зарекомендовали в плане организации и профессионализма. Пока что они явно не готовы выйти на новый уровень.

А, точно. Речь шла о фирме, которая надеялась получить от них средства на создание новой линейки детской одежды и одеял со встроенными датчиками, чтобы заботливые родители могли с легкостью отслеживать сон и аппетит своих ненаглядных малышей прямо по телефону. Идея весьма интересна, но Маркус никогда не любил, чтобы его деньги разбазаривали криворукие исполнители.

– Понятно.

Либерти широко улыбнулась:

– Чем-нибудь помочь?

Он протянул ей бумажку с именем и адресом:

– Держи. Роджерс-Парк, это на севере.

Она издала какой-то невнятный звук, словно с трудом сдержала вскрик.

– Я... – Наконец-то из ее глаз исчезла тревога, а с губ сошла фальшивая улыбка, и она снова стала той женщиной, что он обнимал в парке.

Маркус вдруг понял, что ради этого ребенка она готова на все. Даже пойти с ним на свадьбу. И судя по тому, как заалели прелестные щеки, она тоже это поняла.

Вот и хорошо. Так всем будет проще. Добытые сведения избавят его от необходимости искать адекватную и приемлемую с родительской точки зрения спутницу, да еще такую, которая не станет считать это мероприятие камнем в фундаменте чего-то большего. А если он пойдет с Либерти, возможно, даже сумеет неплохо провести время. А в крайнем случае, если все уж совсем плохо сложится, они просто побегут с утра по побережью Тихого океана.

Она не сможет отказаться.

Вот только тогда он сам окажется ничем не лучше отца.

– Как обещал.

Развернувшись, он пошел к себе в кабинет, но вдруг услышал скрип стула, думая, что она встала и пошла за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.